

A close-up portrait of a young man in a military uniform, wearing a green helmet with a red star emblem. He is looking off to the side with a serious expression. The background is blurred, suggesting an outdoor setting.

Павел Старцев

Эхо
крепости

Павел Старцев

Эхо крепости

«Автор»

2025

Старцев П.

Эхо крепости / П. Старцев — «Автор», 2025

Лето 1941-го. Солдат Брестской крепости Алексей Мельников должен был отправиться на дембель 22 июня. Но в итоге оказывается в самом пекле войны. Взрывы, кровь, рукопашные схватки сменяются минутами тишины...

© Старцев П., 2025

© Автор, 2025

Павел Старцев

Эхо крепости

Меня зовут Алексей Мельников. Родом я из небольшой деревни Малая Дубровка, Воронежская область. Там всё просто: поля, лес, река, церковь старая, перекосившаяся от времени, да школа, где нас учили читать, писать и любить Родину. Отец мой был мельником, как и дед. Мать – строгая, сдержанная, но добрая.

Детство у меня было обычное. Зимой – лыжи, лето – сенокос, весна – грязь по колено. После седьмого класса я остался работать с отцом. Думал, так и будет – дом, хозяйство, может, женюсь на Марии из соседней деревни. Но в 1939-м пришла повестка.

Служить я попал далеко – в Брест. Сначала было непривычно: чужие лица, чужая речь – тут много было белорусов, украинцев, даже ребята из Средней Азии. Но со временем стал привыкать. В крепости чувствовалась особая сила. Она дышала историей. Казалось, сами стены наблюдают за нами.

Я оказался в стрелковом полку. Не скажу, что служба была лёгкой, но дисциплина у нас держалась крепкая. Учили нас хорошо: стрельба, тактика, сапёрное дело. Особенно запомнился сержант Коротков – здоровяк из Сибири, с голосом, как у медведя. Он умел смеяться так, что дрожали стёкла в казарме, но на учениях с него стружку снимали генералы.

В крепости жизнь шла своим чередом. Подъём в шесть, зарядка, завтрак – каша, хлеб, чай. Потом занятия. После обеда – чаще всего строевая подготовка, а вечером – свободное время. Кто-то играл в шахматы, кто-то чинил сапоги, кто-то просто лежал, глядя в потолок. Я обычно писал письма домой. Мать с отцом отвечали редко – некогда. Но я писал всё равно.

Весной сорок первого в крепости стояла особая тишина. В воздухе витало что-то тревожное. По радио всё чаще говорили про Германию, о «слухах» о войне, но нам строго наказывали: не поддаваться панике. Наш командир, капитан Гаврилов, часто повторял: «На границе – порядок. Провокаций не допускать».

Тогда мне было двадцать два. Я был молод, силен, не боялся ничего. Даже смерти. Как будто она существовала только в кинохрониках да книжках про Гражданскую.

У меня была мечта – дослужить до конца и остаться в Бресте. Здесь я впервые влюбился – в медсестру Таню. У неё были светлые волосы, заплетённые в две косы, и улыбка, от которой сердце делало сальто. Мы несколько раз ходили к Бугачке – маленькой речке возле крепости. Сидели, молчали, смотрели, как плывут облака.

20 июня нас подняли по тревоге и объявили о приведении войск в полную боевую готовность. Нам выдали оружие, расставили часовых на стенах, миномётный расчёт всё время находился рядом с позициями, пулемёты были заряжены, а к орудию ПТО подогнали ящик с боеприпасами. Всей информацией нас не снабжали – командование опасалось, что мы поддадимся панике, начнём метаться или, не дай Бог, дезертируем.

Капитан Гаврилов почти всё время сидел у себя в комнате, уткнувшись в карту, и что-то тихо обсуждал с сержантом Коротковым. Я не раз замечал, как он вытирал пот со лба – видно было, что он напряжён, возможно, даже испуган... Впрочем, тогда я ещё многого не понимал.

Однажды, проходя мимо, я заглянул в щель приоткрытой двери кабинета капитана, но, не желая навязываться, повернул обратно. Вернувшись в казарму, я сразу заметил письмо, лежащее на столе. Сердце ёкнуло – вдруг это Танька подбросила записку? Я быстро подбежал, сорвал конверт, разорвал его и развернул аккуратно сложенный листок.

Кому: Алексею Мельникову

От кого: Капитан Гаврилов

Товарищ Мельников!

Спешу сообщить вам, что вы направляетесь на демобилизацию 22 июня в 12:00. Прошу подготовиться к отъезду.

С уважением, капитан Гаврилов.

Я и не заметил, как по лицу расплзлась улыбка. Мама с папой снова увидят меня! А я им расскажу, как у нас тут всё было – про службу, про крепость, про ребят... Наверное, заслушаются.

Но как только вспомнил про Таньку – радость тут же померкла. Я сел на кровать и долго смотрел в пол, думая о том, что, возможно, мы больше не увидимся. Не посидим вдвоём на берегу Бугачки, не услышу её смех, не поймаю больше её мимолётного подмигивания.

Я быстро отогнал эти мысли и аккуратно положил письмо на кровать. Встал, подошёл к окну и посмотрел на внутренний двор крепости.

– А ведь он стал мне как двор у нашей хаты... – пробормотал я про себя.

Вышел из казармы. Проходя мимо кабинета, услышал приглушённый, обеспокоенный голос капитана Гаврилова:

– Скоро будет... Я думаю... Надо быть...

Дослушать я не успел – уже спускался по лестнице. Впрочем, голова моя была забита другим: дембель и... Таня.

На улице взгляд упал на табличку «Санчасть». Я направился туда, надеясь застать Таньку. Заглянул внутрь – в помещении была только вторая медсестра, Наташа. Она заправляла койку и, заметив меня, обернулась:

– Лёша? Что-то нужно?

Я ещё раз окинул взглядом помещение, но Тани не увидел.

– Не знаешь, где Таня? – спросил я.

Наташа замерла, бросила одеяло на кровать и посмотрела мне в глаза:

– Кажется, её перевели под Белосток... Но я точно не знаю. Такие слухи ходят. Спроси у кого-нибудь из штаба.

Я опустил взгляд, пнул носком сапога маленький камешек.

– Ладно... Спасибо, Наташ.

Вышел из санчасти и тяжело вздохнул.

«Ну вот... ушла... Теперь её не найти», – подумал я.

Я решил пойти к Бугачке – посидеть один, вспомнить, как всё начиналось, как было раньше. Но когда подошёл к выходу из крепости, путь мне преградил солдат. Он поправил каску и строго посмотрел на меня:

– Товарищ! Выход из крепости запрещён. Приказ майора Гаврилова.

– Ох... – только и выдавил я, опустив плечи. Развернулся. Даже к речушке не пустили...

Ну да ладно... ещё два дня, и домой. Веселуха будет...

День клонился к вечеру, а напряжение только нарастало. Оно не было явным, громким или паническим. Нет – оно ползло, тихо, будто туман по земле. Ни выстрелов, ни крика. Только эта тягучая тишина, в которой казалось, можно услышать, как сердце бьётся у каждого из нас.

В казарме никто особенно не болтал. Поначалу ребята пытались держаться бодро – кто-то играл в карты, кто-то шутил про «учения», которые якобы вот-вот начнутся, мол, снова нам нервы треплют. Но даже эти шутки были какие-то вымученные, будто только для того, чтобы заглушить внутренний вопрос: «Что, чёрт побери, происходит?»

Офицеры ходили молча, сосредоточенно, переглядывались. Приказов – никаких, только повторялись одни и те же команды: проверка оружия, смена часовых, патрули по периметру. А на лицах у них – будто каждый минуту ждал чего-то. Кто-то постоянно смотрел в небо. Кто-то нервно перелистывал документы. Командиры словно жили в другом времени, уже наступившем, тогда как мы всё ещё были в своём – привычном, ровном.

Я пытался не поддаваться тревоге. Всё ещё держался за мысль, как за спасательный круг: «Через два дня – домой. Всё пройдёт, отбуду, и меня отпустят. Там, в деревне, спокойно. Там мама... Там тепло...»

Я сел на свою койку, достал письмо от капитана, снова прочёл. Каждый раз, как смотрел на него, верилось – всё не так уж и плохо. Разве стали бы отправлять на дембель, если бы действительно была угроза? Угроза чего, впрочем – я и сам не знал.

Где-то за стеной прогрохотала машина – грузовик, наверное. Ребята вздрогнули, кто-то подошёл к окну. Никто ничего не сказал. Просто посмотрели, и всё. Потом вернулись к своим местам. Молча. Как будто решили между собой не поднимать панику – не говорить вслух о том, что у каждого на языке.

Сержант Коротков прошёл мимо нас быстрым шагом. Обычно он здоровался или кидал какую-нибудь прибаутку, а тут только кивнул, брови сдвинуты, губы сжаты. За ним по коридору прошёл связной, держал в руке какие-то бумаги. Показалось, он дрожал. Или это у меня руки дрожали?

Кто-то из солдат шепнул: – Может, немцы у границы опять влезли куда не надо?

– Или учения, – отмахнулся другой, – пыль в глаза, как всегда.

– А ты видел, чтоб Гаврилов на учениях так карту терзал? – прошептал третий.

Я помолчал. Не хотел вмешиваться. В голове крутились свои мысли. Всё крутилось вокруг даты – 22 июня в 12:00. Как будто это была точка отсчёта, обещание, спасительный билет. Мне оставалось потерпеть чуть-чуть. Просто продержаться, не влезть ни во что. И вот я снова дома. Вот мать встречает, глаза светятся. Отец, как всегда, не говорит лишнего, только крепко хлопает по плечу.

Но всё чаще ловил себя на том, что гляжу в потолок, в окно, в лица товарищей – и всё кажется незнакомым. Словно я уже не в крепости, а в каком-то ожидании. Всё вокруг будто замерло перед прыжком.

После ужина кто-то пытался петь. Но голос быстро затих – не пошло. Даже гармонь, которую обычно вытаскивали на крыльцо, сегодня осталась в углу.

Перед самым отбоем прошёл капитан Гаврилов. Он шёл с прижатой к груди папкой и взглядом, который невозможно было понять – усталость? злость? страх? Он остановился у входа в казарму, обвёл нас глазами. Молчал долго. Потом тихо, почти хрипло сказал:

– Завтра все – по распорядку. Но быть начеку. Всё. Спокойной ночи.

И ушёл.

А мы остались сидеть. Кто-то лёг, не раздеваясь. Кто-то молился шёпотом. Кто-то смотрел в потолок. Я снова достал письмо.

22 июня в 12:00. Дембель...

И хоть как-то крепился за эту фразу, как за последнюю опору.

Я лег на свою койку и повернулся лицом к стене, прогоняя гнусные мысли, вспоминая о Таньке и о возвращении домой. «Вот вернусь домой, а там целый стол гостинцев, наконец пойду на охоту, стану героем в деревне и все девушки будут идти ко мне». Думал про себя я, до тех пор пока не уснул. Вдруг я проснулся на берегу Бугачки, а недалеко стоит Танька и смотрит на звезды. Я вскочил с песка и ринулся к ней. Подбежав к ней я положил руку к ней на плечо и обронил:

–Таня...? Ты же не уехала под... Белосток..?

Вдруг она резко повернулась и смотрела на меня каким-то не человеческим взглядом. Я тут же отдернул руку и опешил. «Что за взгляд у неё.. не уж то демон вселился..?»

Внезапно она подошла и стала кричать:

«ПОДЪЕМ! ПОДЪЕМ! ВСЕМ СОЛДАТАМ ПОДНЯТЬСЯ!». Затем я быстро проснулся. Посреди казармы стоял Коротков. Взгляд у него был тяжелый и суровый. Под его глазами были большие мешки. Он еле стоял на месте, перебираясь с ноги, на ногу. Я вскочил с кровати, взял каску и нацепил себе на голову, достал из под койки винтовку Мосина и прислонил к себе, встав в шеренгу.

–Что за сонливость?! Вы солдаты! А если кто-то бы напал на родину? А вы спите! Через полчаса собираемся все во двореке крепости. Майор Гаврилов хочет передать кое-что вам. Вольно.

Коротков ещё стоял посреди казармы, когда я опустил винтовку, прислонив её к ножке койки. Он ничего больше не сказал, только кивнул и медленно вышел, оставив за собой тяжёлую, липкую тишину. Я медленно снял каску и сел обратно. Ноги дрожали, ладони были влажными. На лбу – испарина. Я провёл рукой по лицу. Всё ещё не мог отойти от сна... или от того, как он оборвался.

Танька... её глаза... этот крик...

Чёрт, будто душу вывернули.

Ребята начали шевелиться. Кто-то зевал, кто-то натягивал сапоги. Молчание было густым, будто кто-то положил мокрое одеяло на весь взвод. Даже шутники молчали.

Я встал и начал медленно, машинально одеваться. Натянул рубаху, застегнул пуговицы, пропустил ремень через пряжку. Руки делали всё на автомате, голова гудела от недосыпа и тревоги. В казарме пахло потом, железом, пылью и чем-то кислым, вроде гари – то ли с кухни тянуло, то ли показалось.

Пошёл умываться. Умывальник был в углу, пара ржавых кранов, скрипящих, как старый шкаф. Открыл один – потекла тонкая струя ледяной воды. Я сунул под неё лицо, втянул воздух сквозь зубы – аж до мозга дошло. Обтерся рукавом, глянул в разбитое зеркало над умывальником.

Глаза покрасневшие, щеки впалые. «Вот тебе и герой...» – подумал я. Хотелось снова лечь, снова спрятаться под одеяло, снова вернуться в сон, где ещё можно было подбежать к Таньке, дотронуться до неё, поговорить... но нет. Всё уже было иначе.

– Эй, Лёш, – хрипло сказал кто-то за спиной. – Что за чертовщина? Опять тревога?

– Да кто его знает, – буркнул я. – Коротков сказал, что Гаврилов потом скажет. Сказал – через полчаса во двореке.

– Угу... – отозвался голос и умолк.

Вернувшись к койке, я начал наводить порядок. Пыль с тумбочки, зятая простыня, аккуратно положенное письмо – снова взял его в руки, разгладил. Глянул на дату – 22 июня... Казалось, эти цифры пульсировали на бумаге. Завтрашний день.

– Ты чего всё письмо это гладишь? – спросил Витька, сосед по койке. – Влюбился в него, что ли?

Я ухмыльнулся, но не ответил. Не до шуток.

Кто-то начал шептаться про Белосток. Про то, что с границы с утра что-то передавали – мол, немцы опять что-то мутят. Кто-то упоминал радио. Кто-то говорил, что вчера вечером видел, как начальство сидело у коммутатора и ни с кем не разговаривало – только бумаги, шепот и тишина. Всё напоминало ожидание чего-то, но чего – никто не знал.

– Слушай, Лёха, а может, всё это – чтоб тебя не отпустить?

– Чего? – повернулся я.

– Ну, дембель у тебя. А тут – тревога, неясность, какие-то «донесения»... А вдруг задержат?

Я сжал письмо. Не хотел думать об этом. Не сейчас. Через день... всего лишь один денек.. Неужели не дадут?

Прошло минут десять. За это время никто так и не заговорил в полный голос. Только кашляли, зевали, тёрли глаза. Один солдат лежал, отвернувшись к стене, и шептал что-то себе под нос – вроде как молитву. Его никто не перебивал. Пусть шепчет. Сейчас каждому своё.

Сквозь открытую дверь тянуло прохладой. В казарме становилось душно. Я встал, прошёл к выходу. Во дворе уже светало – небо серело, как алюминий, мутное и тяжёлое. Где-то вдали каркнула ворона. И снова тишина. Даже птицы сегодня молчали.

В голове было пусто. Только одна мысль вертелась: ещё немного... скоро всё прояснится...

Ко мне подошёл Витька и легко положил руку на плечо.

– Лёх... Пошли в столовую. Надо поесть, перед пересчётом.

Я кивнул, резко, будто очнулся. Мы двинулись по коридору, за нами – остальные солдаты. Шли молча, сапоги стучали в такт, и каждый шаг будто отдавался в черепе – гулкий, звонкий, раздражающий. Голова гудела, как будто в ней звенела старая пустая канистра. Я брёл, почти не глядя по сторонам, зарывшись в собственные мысли, отгораживаясь от мира. Всё было словно в тумане: стены, двери, лица мимо проходящих...

Дойдя до столовой, мы с Витькой заняли своё обычное место у длинной скамьи. Там, внутри, всё выглядело как всегда – и от этого становилось только тревожнее. Те же столы, те же деревянные лавки, тот же запах тёплого хлеба и тушёнки. Галя, как всегда, испекла свежий ржаной хлеб – он дымился, с хрустящей корочкой. На тарелках – щедрые порции тушёнки, с серым бульоном и куском картошки.

Я был голоден, но ел быстро, не смакуя. Просто закидывал в себя – как топливо в котёл. Витька сидел рядом, пытался держаться бодро – шутить, кривляться, что-то пробормотал про "последний ужин перед свободой". Но видно было – он на пределе. Его лицо дёргалось, брови ходили ходуном, глаза бегали. Он старался, чтоб никто не заметил, но я-то знал. Знал его слишком давно. Он был натянут, как струна.

Я перевёл взгляд на других. Кто-то шептался украдкой, наклонившись друг к другу, переглядывались с настороженностью. Кто-то ел, как и я – быстро, молча. Кто-то просто сидел,

уоставившись в стол или в пустоту. Один солдат вообще не притронулся к еде – просто крутил ложку в пальцах и смотрел, как капля жира скатывается по ней.

За офицерским столом сидел Коротков. Перед ним – кружка чёрного кофе и тонкий кусок хлеба. Больше ничего. Он всегда был таким – отдавал нам всё, себе не оставляя. Его уважали. Не за звёзды на погонах, не за крики или устав, а за то, что он был свой. Настоящий. Спокойный, крепкий, немногословный, но честный. Он мог заступиться, мог помочь. Но сегодня... сегодня он сидел молча, смотрел куда-то в одну точку, жевал медленно, будто с трудом. Иногда он поднимал глаза вверх – следил, как мигает лампочка над столом, будто искал в этом мерцании ответ.

Я больше не мог сидеть. В груди стало тесно.

Я встал, даже не сказав Витьке ни слова, и вышел на воздух. На ходу подхватил винтовку, подпер ею стену, а сам облокотился рядом. Грудь вздымалась тяжело, как после кросса. В голове – пусто, как в казённой фляге. Всё ждал, что кто-нибудь скажет, что это всё – просто учения. Просто ещё одна тревога. Просто...

Но никто ничего не говорил. Никто не знал.

Я стоял у стены, облокотившись на винтовку, пытаюсь хоть как-то привести мысли в порядок. Но долго постоять не успел – из прохода доносилось уже знакомое:

– На построение! Всем на построение во двор!

Витька выскочил следом за мной, лицо у него посерело, только сжался в плечах и пробормотал:

– Пошли... Разводняк очередной, может.

Я пожал плечами и двинулся к остальным. Из казармы и столовой начали выходить бойцы. Без суеты, но без прежней расслабленности. Шли ровно, будто чувствовали – тут что-то не так. Мы встали в шеренгу, как учили. Рядом кто-то глухо кашлянул. Где-то щёлкнул затвор – механически, без команды. В голове у меня всё ещё звучал запах хлеба и стук ложек, но теперь всё это стало далёким, почти посторонним.

Во дворике становилось тесно. Кто-то стоял с винтовкой на перевес, кто-то держал каску в руках. Вокруг – только шорох одежды, цоканье подошв, и редкое, сухое покашливание.

Через несколько минут из административного корпуса вышел майор Гаврилов. Спокойный, будто только что вышел с доклада, с лицом, в котором сдерживалась какая-то тяжесть. За ним – Коротков, с папкой и тем же уставшим, но собранным лицом.

Гаврилов встал перед нами, выпрямился, оглядел строй. Глаза его на мгновение задержались на мне, затем скользнули дальше.

– Товарищи бойцы, – начал он, голос ровный, глуховатый, – с этого момента крепость переведена на особый режим. Подробности вам не сообщаются, но будьте уверены – меры не случайны. У границ замечено движение войск. Это не тревога ради учений.

По рядам пробежал почти неуловимый холодок. Я почувствовал, как плечи у кого-то справа напряглись. У самого тоже в животе сжалось.

– Ваша задача, – продолжал майор, – соблюдать дисциплину, не паниковать и действовать по уставу. Оружие – в полной готовности. Посты усилить. Связь держать круглосуточно. Приказы поступают только сверху. Самодеятельности не допускать.

Он говорил, как будто вычитывал из методички, но в голосе была та особая глухая уверенность, когда человек сам себе приказывает не поддаваться страху.

– Что касается возможного противника, – продолжал он, – если и будет движение, то с той стороны – Вермахт. Не первая мировая, не эти их уставные марши. Удар быстрый, точный, рассчитанный. Техника у них мощная. MG-34 – скорострельные, прицельные. Также винтовки со скользящим затвором. Если попадает в солдата – тот больше не жилец. Еще у них есть ПП, который очень эффективен. Не стойте кучно, не бегите по открытой. Танки? Будут. Мы знаем. ПТО готово. Боекомплект рядом.

Он говорил, как будто заранее прощался, но ни одна нотка в голосе не дрогнула.

– Главное – не теряйтесь. Не дезертируйте. Не поддавайтесь слухам. Пока держим крепость – держим рубеж. А за рубежом – дома. Ваши.

Он выдохнул, словно выжал из себя последнее. Потом чуть повысил голос:

– Через десять минут – по местам. Посты, смены, связи. Готовность – полная. Приказов не нарушать. Всё.

Он повернулся и ушёл, а мы остались стоять.

Солнце уже вышло полностью, грея мундиры. Но тепло это не чувствовалось. Всё казалось каким-то ненастоящим. Будто кто-то натянул над головой ткань неба и сейчас вот-вот её сорвёт.

Когда майор ушёл, мы ещё какое-то время стояли, как вкопанные. Никто не торопился расходиться, будто ждали, что он сейчас вернётся и скажет: «Шутка. Проверка. Всё свободны».

Но он не вернулся.

– По местам! – скомандовал Коротков, но даже его голос прозвучал глухо, как будто из-под земли.

Я смахнул ладонью пот со лба и машинально поправил каску. Плечи ныло, будто на мне висел не вещмешок, а целый грузовик.

Мы двинулись по одному. Кто-то – к постам, кто-то – в казарму за оружием, кто-то – просто туда, куда обычно шёл по привычке. Ни громких разговоров, ни смеха, только редкие короткие фразы:

– Пост третий прикроешь? – Ты с ПТО или на наблюдение? – Где капрал Боровик?

Я брёл по направлению к своей казарме, но шёл медленно, будто ноги сами не хотели подчиняться. В голове – пустота. Только слова Гаврилова гудели, как будто он говорил их не вслух, а прямо внутри черепа: «Танки будут. Не стойте кучно. Паника – смерть»...

Проходя мимо внутреннего двора, я невольно бросил взгляд в сторону кухни. Дымок от дров всё ещё вился, как в мирное время. Галя, наверное, всё ещё возится с кастрюлями – во всяком случае, кто-то должен кормить нас, даже если завтра весь мир взорвётся.

Я облокотился на перила у входа в казарму и стал смотреть, как расходятся остальные.

Витька куда-то спешил, сжав зубы, как перед дракой. Он всегда был простым, деревенским парнем, но сейчас на лице у него была почти гримаса – как у волка, загнанного в угол. За ним шли два брата с Украины, Петька и Сава. Петька держал винтовку обеими руками, как будто боялся, что её вырвут, а Сава всё оглядывался, будто искал глазами что-то... кого-то. Вроде бы ещё ничего не случилось, но на лицах у всех уже отражалось: что-то надвигается.

Рядом прошёл Ляхов, тот самый, что всегда шутил в строю и подкалывал всех. Теперь он смотрел в землю и шёл, будто считал шаги. Без улыбки. Даже без тени выражения.

Я снова перевёл взгляд на плац. Пыль медленно кружилась над гравием, в воздухе стояла тишина, неестественная, будто сама крепость затаила дыхание. Где-то щёлкнул затвор, кто-то кашлянул. Но всё это было фоном – не настоящим, как в театре.

Я прислонился к деревянной колонне и вытер лоб. Сердце билось медленно, как будто тянуло за собой всю кровь. В голове всплыли вчерашние мысли: «Вот вернусь домой, а там стол, охота, деревенские девушки...»

Теперь всё это казалось далёким, не то что мечтой – каким-то выдуманным кино. Будто и не было ни Таньки, ни Бугачки, ни дома. Только эта крепость, эта форма, это серое небо и лица, ставшие каменными.

Я закрыл глаза. На мгновение. Просто, чтобы вернуться в себя. Но даже в темноте под веками не было покоя – только холод, и всё тот же голос Гаврилова в ушах: «Держим крепость. Пока связь. Пока рядом товарищи...»

Вдруг я вспомнил о письме – о самом главном, что у меня было. Сердце будто щёлкнуло и вернулось в привычный ритм. «Точно! Дембель. Меня же отправляют на дембель!»

Как по шелчку я выпрямился, словно сбросив с плеч невидимый груз. Улыбка сама собой расплзлась по лицу. «Мне это всё не грозит... Осталось всего-то – сутки. Жалкие двадцать четыре часа. Потерпеть, продержаться, и всё...»

Я с облегчением выдохнул – медленно, глубоко, как будто впервые за долгое время. И пошёл, почти неторопливо, на стену крепости. Ещё раньше меня назначили часовым – формальность, но формальность в казарме значила многое. Там, наверху, было хоть какое-то чувство уединения и... контроля.

Поднявшись по холодным ступеням, я привычным движением снял винтовку с плеча и крепко сжал её в руках. Дуло тяжёлое, надёжное, как будто железо само понимало: "ещё немного – и всё закончится". Я встал у бойницы, начал осматривать периметр – методично, не спеша, как учили. Влево, вправо, вдаль.

Ничего. Ни всполоха, ни движения. Пусто, спокойно. Только вдалеке – тень леса, и над горизонтом – клубящиеся облака, будто сваренные из свинца.

Я напряг глаза, но всё равно видел лишь пустоту. Да и кого я мог там увидеть? В такие часы и в такую погоду даже ветер ходит стороной.

«Война за двадцать четыре часа не начинается...» – уверял я себя, как мог. – «Это невозможно. Это просто утренняя тревога. Перестраховка. Завтра всё успокоится. Завтра я уеду...»

Я повторял это, словно молитву. Сжимал винтовку и вглядывался в пейзаж, где всё казалось прежним. Но где-то внутри уже дрожало предчувствие. Но я его гнал. Гнал, потому что впереди был дембель. Дом. И всё, чего я ждал.

Я глубоко вдохнул, пытаюсь прогнать напряжение. Смотрел вдаль, не отрывая взгляда – по уставу. За несоблюдение приказов здесь по голове не гладят, и я это знал.

Небо было мрачным, сероватым, будто сваренным из дождя и пепла, а лес за периметром крепости стоял недвижим, как картонная декорация.

И вдруг... я не поверил своим глазам.

Там, вдалеке, за складками рельефа, чуть выше линии горизонта... силуэт! Необъятный, грубый, как будто не принадлежал природе. Я замер. Сердце ухнуло вниз.

«Танк...»

– БРАТЦЫ..! – крикнул я, изо всех сил, перекрывая собственный страх. – ТАНК! ТАМ ТАНК ИДЁТ!

Руки затряслись, но я всё-таки передёрнул затвор винтовки, прижал приклад к плечу и всмотрелся сквозь прицел, хотя понимал – толку-то? Но надо было что-то делать. Хоть что-то.

Через секунды над головой зазвенел колокол – звонкий, бешеный, рвущий уши. Сразу же по двору разнеслись крики. Всё пришло в движение. Бойцы выбегали на стены, подтащили расчёты, пулемёты, ПТО – как будто сами стены крепости встряхнулись от этого звука и ожили.

Ко мне почти бегом подскочил Коротков, сжимая в руках бинокль.

– Где?! Где ты его видел?! – тяжело дыша, выдохнул он.

Я указал пальцем в сторону лесополосы, туда, где я заметил силуэт.

Он не стал спорить, просто прислонил бинокль к глазам и стал вглядываться в то место. Секунды тянулись, как вечность. Мои ноги подрагивали, спина прилипла к гимнастёрке.

Наконец он опустил бинокль и тяжело выдохнул, не скрывая усмешки.

– М-да... Танк, говоришь? Это же камешек... обычный булыжник. Мельников... ну ты и даёшь...

Я замер, как вкопанный. Хотелось исчезнуть.

– Ладно... – продолжил он, хлопнув меня по плечу. – Зато тревогу отработали.

Он чуть повернулся и крикнул вниз:

– ЛОЖНАЯ ТРЕВОГА!

Колокол почти сразу умолк, будто с облегчением. Солдаты начали бормотать, кто-то громко, кто-то сквозь зубы. Несколько человек разочарованно спустились вниз по лестницам, бросая на меня мимолётные взгляды. Кто с усмешкой, кто с раздражением.

Коротков ушёл вниз. У подножия стены его уже ждал Гаврилов. Он посмотрел на меня снизу вверх, не говоря ни слова, но этого взгляда хватило. Он медленно покачал головой, как отец, уставший от глупости своего сына. Ни злобы, ни брани – только усталость и разочарование.

Я покраснел так, что даже уши запылали. Захотелось спрятаться куда-нибудь за бойницу, провалиться сквозь камни.

«Какой позор...» – крутилось в голове. – «Вот так идиотом прослыть на всю часть...»

И всё же, среди неловкости и смущения вдруг закралась мысль, цепкая и тёплая, как осколок надежды:

«Раз тревога ложная – значит, ещё жив. Значит, у меня всё ещё есть шанс. До дембеля всего-то день...»

Я крепче сжал винтовку и посмотрел вдаль – на тот самый "танк", оказавшийся куском камня. Но на этот раз – с тревогой. И с лёгкой дрожью внутри.

Оставшееся время дежурства прошло спокойно. Ни тревог, ни подозрительных силуэтов, ни звуков снаружи. Только лёгкий ветер гулял по стенам крепости, да редкие крики часовых перекликались в тишине, как эхо забытого мира. Я стоял на посту до самой смены, а когда наконец меня заменили, тяжесть, которую я нес на плечах всё это время, будто испарилась.

Я спустился вниз и глубоко выдохнул – впервые за весь день по-настоящему спокойно. Будто сняли железный воротник с шеи. Взглянул на часы: 15:00. Всего-то пять часов до отбоя... а утром – дембель.

Улыбка сама собой расползлась по лицу, теплом разлившись по щекам. Я замер в коридоре, глядя в одну точку, забывшись в мечтах. «Вот она, свобода... ещё немного – и я дома...»

Я бросил последний взгляд на стену, как будто прощаясь, затем повернулся и пошёл к казарме. Дверь тихо скрипнула, и внутри меня тут же окутало знакомое тепло родного угла – койки, запах табака, промасленных портянок и дешёвого мыла.

Но стоило мне войти, как картина изменилась – Витька сидел на моей койке и держал в руках мой дембельский лист. Он внимательно его рассматривал, будто текст мог исчезнуть, если мигнет.

Я медленно подошёл и с кривой усмешкой сказал:

– Хорошо тебе, чужую почту читать, а?

Он вздрогнул, уронил бумагу, резко подняв руки, будто пойман за кражей, и, конечно же, сделал вид, что ничего не читал.

– Да ты везучий паразит... – пробормотал он, немного завидуя, но без злости. – Повезёт же... прямо перед войной – на дембель. Да ещё письмо от самого Гаврилова... И не когда-нибудь, а завтра! Завтра!

Я сел рядом, всё ещё улыбаясь. Но в груди что-то ёкнуло. Мне вдруг не захотелось оставлять его – и всех остальных – здесь, под этим тревожным небом, с этими недомолвками офицеров и затянутыми лицами. Не хотелось уезжать, будто что-то важное ещё не случилось.

Я положил руку ему на плечо и, чуть склонившись, сказал почти шепотом:

– Да это всё ерунда, масштабные учения. Вот увидишь. Германия не сунется. Ну ты вообще видел, какие мы огромные, а они? Им до нас ещё маршировать и маршировать... огого. Мы их одним кулаком – и всё.

Он хмыкнул, но не ответил. Тогда я добавил:

– У нас с ними договор. Не просто бумажка, подписанная на коленке, а официальный – между государствами. Да и они на западе воюют. Им ещё Англию разгрести. Зачем им на нас лезть? Они что, бессмертные?

На лице Витьки появилась слабая улыбка. Он опустил плечи, как будто сбросил с себя груз. Похоже, мои слова его немного успокоили. А может, он просто хотел в это поверить.

А я? Я тоже хотел верить. Хотел верить в то что я сказал, было правдой. Даже больше – нужно было верить. Иначе всё остальное переставало иметь смысл.

Я поднял голову – в дверном проёме, будто призраки, возникли Гаврилов и Коротков. Они стояли бок о бок, почти не двигаясь, но лица у обоих были каменные. Казалось, они впитали в себя всё напряжение последних суток и теперь едва сдерживали его внутри.

Коротков, как и всегда в последние дни, был на взводе: сжатые кулаки, дрожащая щека, взгляд, который прожигал насквозь. Он стоял чуть вперёд, как будто хотел что-то сказать, но не решался. А вот Гаврилов – наоборот: всё время оглядывался через плечо, будто искал кого-то или что-то, что должно вот-вот появиться. Его руки за спиной то и дело сжимались в замок, то резко размыкались.

Я бросил взгляд на Витьку – он уже смотрел на меня. Мы переглянулись и без слов поняли друг друга. Медленно обернулись к двери, и, не сговариваясь, начали вглядываться, вслушиваться, ловить хоть обрывок, хоть шепот из их разговора.

Но всё было зря.

Слова терялись в воздухе, не долетая до нас. Только глухие, будто приглушённые стеной звуки: "...не готово..." – "...рано..." – "...если вдруг..." – "...по сигналу..."

Слишком мало, чтобы понять, слишком много, чтобы не тревожиться.

Гаврилов на мгновение переступил с ноги на ногу и бросил взгляд вглубь казармы – быстрый, острый, будто колющий. Я на мгновение встретился с ним глазами и тут же отвёл взгляд. Казалось, он может прочесть всё – и мои страхи, и мысли, и моё письмо под подушкой.

Я перевёл взгляд обратно на них и только тогда осознал: Советский Союз и Третий Рейх стоят по пояс в бензине, а у обоих в руках – по зажжённой спичке. И командиры это знают. Мы – ещё нет. Или не хотим знать.

В казарме стало на удивление тихо. Только скрипнули чьи-то пружины в койке, да в углу кто-то закашлялся. Мы сидели как под прессом. Что-то назревало. Что-то, чего уже было не остановить.

Как только Гаврилов с Коротковым скрылись в коридоре, дверь казармы внезапно распахнулась – прямо внутрь влетел Петька. Он был бледен, как полотно, глаза бегали, словно искали выход, а руки и ноги тряслись, будто он стоял под артобстрелом. Он резко оглянулся, словно опасался, что за ним следом войдёт кто-то из офицеров, и, не дождавшись погони, кинулся к нам, спотыкаясь на бегу.

– Братцы... – прошептал он, сипло и прерывисто. – Скоро... начнётся...!

Его голос был еле слышным, но достаточно отчаянным, чтобы вся казарма обратила внимание. Один за другим бойцы подняли головы, некоторые встали с коек, кто-то просто повернулся к нему. Постепенно все подтянулись ближе к нашему уголку.

Старший из нас, Казах – коренастый, с проседью на висках, служил уже с конца тридцатых – хмыкнул и облокотился на стену:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.